

СЕРГЕЙ
КАЛАШНИКОВ

ЛОХАНКА

Сергей Александрович Калашников

Лоханка

Серия «Боевая фантастика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38026674

Лоханка:

ISBN 978-5-17-110736-9

Аннотация

Наш современник, обычный автослесарь, попал из не слишком успешно строящейся капитализм России в эпоху великих строек индустриализации, и совсем уж безоблачное существование ему не светит. Под неусыпным присмотром суровых партийных органов приходится занимать место в рядах строителей светлого будущего. И делать то, что велят. А велено было продолжать ковыряться в любимых моторах, трансмиссиях, подвесках и несущих кузовах – так что без малейших признаков внутреннего конфликта Иван Беспамятный продолжает совершенствовать средства передвижения высокой проходимости, которыми постепенно насыщались советские войска. В результате к началу Великой Отечественной войны техническое состояние РККА оказалось отличным от того, что имело место в реальной истории.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	50
Глава 3	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Сергей Александрович Калашников Лоханка

© Сергей Калашников, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

*** * ***

Глава 1

Знакомство

– Назовите свои фамилию, имя и отчество, – мужчина в гимнастёрке обмакнул стальное перо деревянной ручки в простенькую стеклянную чернильницу-непроливашку и посмотрел мне в глаза. «Проницательным взглядом майора Пронина», – пришло вдруг на память.

– Не знаю, право, как обращаться... – замялся я, всеми силами стараясь изобразить на лице смущение. – Но только не помню я ни первого, ни второго, ни третьего.

Проницательный взгляд изменился. Теперь он сделался недоверчивым, отчего стало ясно – дольше тянуть паузу и ждать «правильных» вопросов мне не следует – могу нарваться на новые неприятности, хотя мне и предыдущих пока более чем достаточно. Поэтому я принялся сбивчиво «объяснять»:

– Очнулся на берегу весь мокрый. В карманах пусто, никаких вещей при мне нет. Продрог, комары жучат, и ни души вокруг. Кто я, откуда, как сюда попал – ничего не помню. А тут ещё и рвать меня стало водой, и в груди ломит...

– Когда это случилось? – перебил мужчина.

– Так сегодня утром. Как раз рассвело и уже солнышко всходило, – заторопился я с объяснениями.

– И где ты в это время был? – а вот теперь во взоре виден проблеск понимания.

– Как место называется – не знаю. Я оттуда шёл вдоль речки справа от неё. Там ещё тележная колея появилась, так по ней до самого села и добрался. А потом по улицам и к пристани подался – её издалека видать. Ну, а там уже вы меня и повстречали.

Мой собеседник на минутку призадумался, повертел в руках ручку, но положил её наклонно, оперев пером о край непроливашки. Встал, обошел стол и оказался у меня за спиной. Хмыкнул и вернулся на место.

– Голова не болит? – спросил он со скучающим видом.

– У меня вообще всё болит, – протянул я жалобно. – Голова тоже.

– Судя по одежде твоей, думаю я, что ты нэпман. Не иначе ограбили тебя на пароходе – ударили по голове, обчистили и скинули за борт.

– Про одежду ничего сказать не могу, как и про то, чем раньше занимался, – вздохнул я протяжно.

– Чем занимался – по руке читается, – ухмыльнулся мой собеседник. – Давай сюда ладонь.

Никаких причин отнекиваться я не видел – протянул через стол открытую руку и насладился произведённым эффектом. По профессии я автомеханик, так что и мозоли у меня имеются там, где оставил их инструмент, и ввевшееся в кожу масло образует заметные следы.

– Так ты, товарищ, не иначе из нас – из пролетариев, – отношение ко мне изменилось мгновенно. – Думается мне, из-за одежды тебя бандиты не за того приняли. Небось, на отдых ехал или в гости. А они, гады такие...

– Так не помню я, товарищ...

– ...Агеев я, Дмитрий Иванович, – и посмотрел на меня, будто ожидая, что я тоже представлюсь.

Сокрушённо вздохнув, я пожал плечами.

Агеев тоже вздохнул и принялся за писанину, давая мне время оглядеться. Комната в одно окно обшита изнутри досками и окрашена в какой-то бледный невыразительный цвет зеленоватого оттенка. Кроме письменного стола самого неприятельного вида – короткий рядок стульев вдоль одной из стен, железный шкаф и календарь на стене. Старый добрый отрывной календарь поведал мне, что у нас на дворе июль тысяча девятьсот двадцать девятого года. Значит, мой дед сейчас как раз начинает ползать... но это очень далеко отсюда.

Да уж, закинуло меня так закинуло. Как чувствовал – нет дыма без огня: коли сочиняют люди книжки про попаданцев – стало быть, есть для этого какие-то основания.

Так вот – часов на стене нет, как нет их и на руке моего собеседника. Но до полудня ещё далеко – это я и так знаю, потому что времени после рассвета прошло совсем немного – часа три-четыре.

Что сказать о человеке, задержавшем меня среди базара,

что у пристани? Дмитрий Иванович на вид имеет возраст около сорока лет, носит буденновские усы. Обут в сапоги – точно знаю – не кирзовые, но какой кожи, на глаз не определю. Синие галифе и гимнастёрка защитного цвета, перепоясанная обычным ремнём без бляхи. Лежащая на краю стола фуражка имеет след от снятой красноармейской звёздочки. Сама она выгорела до потери определённого цвета, и края чехла у неё заметно опали, прикрывая верхнюю часть околышка.

По всем признакам – человек он штатский, просто такая манера одеваться для этого времени не редкость. Кобура же с револьвером на поясе... получается, что человек при исполнении. Чего он тут исполняет – не ведаю. Я, признаться, и не помню наверняка, какая организация в эти времена главная ответственная за порядок: ЧК, ОГПУ или НКВД. Я и в своё-то время не разбирался, в чём разница между СОБРОм, ОМОНОм и перронным контролем, как и в том, зачем нужны МВД, ФСБ и МЧС. В смысле – зачем они разные.

Ну да, начальству виднее. Моё дело – машины починять. Пока я осматривался да размышлял, протокол был написан и дан мне для прочтения и подписи. Закорючку, что на автомате вывела моя рука, Дмитрий Иванович внимательно изучил, но ничего определённого по этому поводу не высказал – не угадываются из неё ни фамилия, ни инициалы.

– Во Владимировку съездим, – сказал он удовлетворённо. – Обязательно нужно показать тебя доктору.

То обстоятельство, что здесь в Петропавловке нет нужного врача, меня не удивило. Наверняка речь идёт о психиатре, которого в посёлке при пристани может и не быть. Так что я слабо кивнул, выражая покорность судьбе, и последовал за Агеевым.

* * *

Автомобиль, стоящий в тени тополя, меня не удивил. Поражало, скорее, то, что это вообще способно ездить. Созданный, похоже, ещё до Империалистической войны на заводе Руссо-Балт, он должен был уже несколько лет как уйти на переплавку. Тем не менее машина явно была на ходу. По крайней мере – недавно. Потому что именно сейчас водитель ковырялся в моторе, нелюбопытно о нём отзываясь. Видимо, привычный к этой картине, Дмитрий Иванович присел на лавочку неподалеку, не пытаясь подстегнуть события упрёком или окриком.

Ну, а я полез помогать – мне действительно было интересно поковыряться в этом антиквариате. Засорившийся карбюратор, если не умничать – обычное дело. Мы с Петром – водителем этого керогаза – успели всесторонне обсудить привычную проблему... ну, и как устроить фильтр – тоже придумали. Правда, я не знал, где взять для него фильтровальной бумаги, зато Дмитрий Иванович со своего места «в партере» подсказал насчёт промокашек, которые я только

раз и видел каком-то старинном мультике. Куда уж мне догадаться о том, что нынче они – обычное дело.

А потом мы поехали. Грунтовая дорога нещадно пылила, через Мурню вместо знакомого мне бетонного автомобильного моста был перекинут узкий настил, положенный на деревянные сваи, зато железнодорожный мост вдали ниже по течению был там же, где и в моё «бывшее» теперь время – я знал эти места по двадцать первому веку и не удивлялся отличиям. Подъем из поймы в степь, прорытый в высоком глинистом обрыве, оказался заметно уже и немного круче, чем «раньше». А потом мы свернули налево и вскоре прибыли в соседнее село, где вокруг базарной площади толпились дома: или целиком кирпичные, или с каменным первым этажом. Большинство – двухэтажные.

Жаркий летний день тут в Нижнем Поволжье, разогнал народ в тень, так что никакого столпотворения не наблюдалось. Флегматичный верблюд жевал что-то, в пыли ковырялись грязные куры, а доктор, к которому мы приехали, был занят. Впрочем – недолго.

Выслушав объяснения Агеева, этот средних лет мужчина деловито занялся мной. Такое впечатление, что психиатры рождаются с молоточком в руках. Или он невропатолог? Я в них не сильно разбираюсь, а называли его просто доктором и по фамилии. Этот доктор тоже поводил молоточком у меня перед носом, и по коленке стукнуть не забыл. Осмотрел и ссадину на голове – не зря я старался, наносил её себе се-

годня утром... хоть и больно было, но людям для принятия «верных» решений требуются основательные причины. После ряда вопросов, на которые я твёрдо ответил: «не помню», прозвучало заветное слова «амнезия». Признаться, я надеялся, что к этому добавится ещё и определение «посттравматическая», но почему-то не дождался. Некоторое время потребовалось на составление каких-то бумаг. Потом был визит к фотографу, где меня запечатлели и в фас и в профиль.

– В общем так, товарищ! – сказал Агеев, когда со всем этим было покончено. – Пока мы здесь, надо бы выправить тебе удостоверение личности. А потом, как фотографии высохнут, так и вклеим. Сам понимаешь, сколь удобней было бы, окажись при тебе документ. Тем более – память тебя, вишь как подвела. Фамилию тебе дадим «Беспамятный». Ну, а имя и отчество – соображай, какие нравятся.

– Так, давай Иваном Сергеевичем назовусь, – ответил я не задумываясь. Дело в том, что это действительно мои имя-отчество. Если так меня и станут окликать, то причин для путаницы в будущем окажется меньше.

– Вот и ладно.

Мы посидели немного в тени деревьев – тут что-то вроде сквера или парка, только очень маленького размера. Потом забрали у фотографа готовые портреты и зашли в одно из учреждений в комнату на первом этаже, где прямо с моих слов мне в два счёта красиво оформили вполне приличную бумагу. А тут и водитель подтянулся – он прошёлся по лав-

кам и теперь нёс несколько свёртков.

– Вот ещё что, Иван Сергеевич! – с видимым удовольствием обратился ко мне Дмитрий Иванович. – Работать я тебя определю в судоремонтные мастерские. Ну и на квартиру пристрою. Тебе ведь нынче всё без разницы, а жить на что-то нужно. Пусть и с самого начала, но не на пустом же месте.

– Спасибо, товарищ Агеев, – ответил я с обречённым видом, хотя на самом деле был донельзя доволен – мне предложили как раз те самые шаги, делать которые было необходимо в любом случае. А тут, можно сказать, за ручку приводят к нужному месту. Мы ведь когда сюда ехали ещё по острову мимо причалов, я видел десятки мужиков, что на тачках перевозили соль от вагонов на баржи. Это далеко не та работа, выполнять которую хотелось бы всю оставшуюся жизнь. Другое дело – мастерские. Там, конечно, тоже вряд ли имеется существенная автоматизация или механизация, но деятельность типа «бери больше – кидай дальше» меня вообще никогда не прельщала. Монотонный однообразный труд – утомительная штука. Он не обещает ни вдохновения в процессе, ни удовлетворения в финале.

* * *

Обратная дорога через голую степь до спуска в пойму была прокалена лучами жаркого полуденного солнца и покрыта толстым слоем раскатанной в пудру пыли, из-под кото-

рой местами проглядывала твёрдая корка глины. Плотный непрозрачный шлейф поднимался позади нашего экипажа, а я невольно прислушивался к звукам мотора – его песня для меня – открытая книга. Пусть он стар и сконструирован в незапамятные времена. Пусть уровень компрессии в нём способен вызвать только грустную улыбку, но клапана отрегулированы не слишком хорошо, да и поршневые кольца поизносились. Впрочем, есть ли они здесь, я не уверен. Не заглядывал в цилиндры. А конструкторы прошлого могли думать вовсе не так, как я.

По тому же мостику мы переехали сонную Мурню и быстро добрались до Петропавловки, которую и проехали насквозь, двигаясь вдоль берега просторного затона. Слева, как и в моё время, тянулись одноэтажные домики в окружении садов. Справа – гладь реки, на которой маячила заякоренная баржа, ожидающая буксира. Она низко осела, заполненная Баскунчакской солью так, что вершины горок сероватого цвета виднелись поверх бортов.

Постройки на берегу – сараи, бараки и пара-тройка вполне завершённого вида домиков – это и были судоремонтные мастерские. Тут Агеев «отпустил» машину с водителем. Вернее, он велел Петру куда-то поехать и что-то привезти, но я не вслушивался – дело в том, что трудиться в этом убогом учреждении мне ни капельки не хотелось. Хотя вряд ли что-то более цивилизованное отыщется здесь прямо сейчас. С другой стороны – не в моём положении особо капризничать

– и без того влип по самое не хочу.

Надеюсь, вы меня понимаете: приехал в отпуск порыбачить и «улетел» в прошлое аж на восемьдесят четыре года. Как раз в самые непонятные времена, когда, насколько я помню, начинались индустриализация, коллективизация и масса других событий... что-то даже о голоде припоминается. Нет, дат я не знаю, но общее впечатление такое, что на волне классовой борьбы сейчас происходит масса потрясенных. А жить в эпоху перемен – удовольствие сомнительное. Сам-то я в лихие девяностые был ещё пацаном, но и мне впечатлений перепало достаточно. Ну, когда в семье царит чувство неуверенности в завтрашнем дне – это напрягает не по-детски.

В общем, вместо того, чтобы прислушиваться к чужим разговорам, я брал себя в руки и справлялся со внутренним протестом. Потому что не заслужили мои спутники инсценировки в стиле: «ах какой я весь из себя несчастный» – они помогали мне деловито и целеустремлённо. Для жителя крупного города страны, вставшей на рельсы капиталистического развития, это не слишком характерно – уж поверьте мне. Но в глубинке люди другие даже сейчас... то есть не прямо сейчас, а там, в будущем. А уж нынче... впрочем, как говорится, будем посмотреть. Я тут – человек новый.

– Механик, говоришь? Это хорошо, – плотный дядька во френче привычным жестом поправил пенсне и принялся листать лежащую перед ним на столе амбарную книгу. – Механик это хорошо. Так ты, Иваныч, рекомендуешь, значит, товарища Беспамятного, – и отследив согласный кивок Агеева, заключил: – Тогда, Иван Сергеевич, завтра приходи по второму гудку. Отыщешь мастера Маркелова и скажешь, что направлен к нему в бригаду. Сейчас познакомить вас не могу – на плашкоуте они. Но поутру будут здесь.

Крепыш отвёл меня в соседнюю комнату, совершенно пустую, зато с зарешёченным окошком в стене, куда и поступал, а потом и бумажку туда засунул:

– Выдай, Клавдия, подъёмные новому работнику.

Мне отсчитали несколько древнего вида купюр, за которые я тут же расписался, и более не задерживали.

Любопытно тут. Ни страха перед чекистами, ни опасения нарваться на мошенника, ни бюрократической волокиты – устройство на работу не потребовало и десяти минут. Впрочем, как я понял, ходатайство Агеева избавило меня от любых лишних вопросов – он тут человек известный и авторитетный.

Дальше шли пешком, удаляясь от берега по деревенской улице. Плетни и тын сменяли друг друга, докладывая о со-

стоятельности хозяев. Деревянные бревенчатые дома выходили на улицу небольшими затейливо изукрашенными крылечками. Впрочем, выглядели они так, как будто никто ими не пользуется – неподалеку всегда имелась калитка в изгороди с протоптанной к ней тропой. Часто во дворах присутствовала и вторая постройка жилого вида – мазанка. Их в моё время называли летними кухнями. Встречались и дворы, где дом только строился, а мазанка уже стояла. Или не строилось никакого дома, но летняя кухня уже имелась.

Куры бегали, иногда доносились и «ароматы» свинарника. На некоторых подворьях хлопотали хозяйки, провожавшие нас любопытными взглядами. Мы здоровались со всеми без разбору.

Минут через десять неспешной ходьбы, уверенно открыв калитку, Дмитрий Иванович вошел на неопрятный участок:

– В паводок хозяин здешний в сети запутался, да и утоп. Жил он бобылём. Так что – устраивайся пока. А там видно будет – может наследник какой объявится, или ещё что. Тогда и сообразишь... – он не договорил, растолковывая, что мне такое придётся соображать, а попрощался и ушёл.

* * *

Дома на этом участке не было – только мазанка в глубине не огороженной расхлябанным плетнём территории почти у задней его границы. Стёкла в окнах целые. В дверных пет-

лях, что для навесного замка, продета проволочка, концы которой пропущены через свинцовую пломбу. Очень железнодорожно эта конструкция выглядит. Отломать этот запор оказалось минутным делом. А потом шагнул сразу в комнату – никаких тамбуров или сеней здесь и в помине не было. Размер примерно три на три метра. Кровать, столик под окном. Колченогая табуретка. Посередине кирпичная печка – скорее маленькая деревянная плита для приготовления пищи, чем отопительное устройство. По стенам развешана одежда.

Скромнейших потребностей человек обитал тут раньше, чистый аскет. На полочке жестяная коробка с солью да бутыл растительного масла с толстым плотным осадком на дне. Сковорода с ручкой и три чугунок. Пара ложек, наполовину сточенный нож и пяток толстостенных фаянсовых тарелок, не принадлежащих одному сервизу. Собственно, обнаружив их, я вспомнил, что с самого утра ничего не ел. А картофельные кусты, торчащие из земли на участке – видел.

В сарае, что находился под одной крышей с «жилой частью», разыскал лопату и тут же обнаружил ещё одну печку-плиту совсем маленького размера. В колодец заглянул – есть вода. В общем, наварил картошки в мундирах, сдобрил пахучим подсолнечным маслом, посолил по своему вкусу и хорошенько заправился. А потом и прилёг поверх закинутого какой-то ветхой, но чистой тряпкой матраса: и жарко, и устал, и изнервничался. Да и предыдущую ночь назвать спокойной у меня язык бы не повернулся.

Ох и выспался же я! Остаток дня, вечер и всю ночь дрях, как из пушки. Проснулся свежим и озабоченным – как бы на работу вовремя прийти. Агеев говорил – по второму гудку. Нет, не Агеев, а тот, во френче. Думаю – начальник мастерских. Может, и не самый главный, но всё равно – заметная личность. Ну да ладно – познакомлюсь ещё с людьми. А пока – почистил несколько оставшихся со вчера варёных картофелин, перекусил и услышал гудок. Думаю, что это был первый, а мне нужно ко второму. До мастерских идти минут десять, а сколько времени проходит между сигналами? Не знаю. Но вряд ли меньше получаса. А нужно ещё подумать о том, как одеться – спецовки-то мне никто не выдал, и вообще я не знаю, как тут это дело поставлено. Мужчины обычно носят что-то вроде пиджачной пары, только вот брюки с верхней частью этого костюма не особо-то совпадают. На ногах чаще всего сапоги или ботинки.

На мне же прямые летние брюки серого цвета и голубая выцветшая рубашка с короткими рукавами и двумя нагрудными карманами. Ткани на них, по сравнению с теми, что носят нынче, значительно тоньше и качественней – это сразу бросается в глаза. Кроме того, сланцы на ногах – не та обувь, в которой стоит расхаживать среди железа.

В общем – покопался я среди развешанных по стенам ве-

щей – старая сатиновая косоворотка с залатанными на локтях рукавами и штаны темной материи, без видимых следов износа, пришлись вполне удачно. Башмаки тоже оказались впору, только были они изнутри жёсткими и колючими. Это потому что разошлись, ну и без носков. Головной убор свернул себе из газеты – лежало тут несколько штук. Правда получилось у меня только с третьего раза – ломкая нынче бумага и рвётся легко. А, может, просто состарилась от долгого лежания?

Выбрался на свежий воздух – у соседей во дворах отчётливо слышится шевеление. И справа и слева тоже люди собираются на работу. Умывальник брякает, тянет съестным. Ясное дело – поздоровался, назвал себя, выслушал ответные приветствия, да и пошёл потихоньку в сторону мастерских – я ведь пока ничего тут толком не знаю, ориентироваться во времени – и то не умею. Светить мобильником, в котором есть часы, нельзя – я его вообще спрятал вместе со всем остальным ещё до того, как идти к людям. А опаздывать нехорошо. Не стоит дразнить судьбу – вчера она была ко мне благосклонна.

* * *

Что рассказать о своём первом рабочем дне на новом месте? Да ничего особенного – приняла меня бригада в качестве самого главного по части подать, принести или поддер-

жать. Лет-то мне и двадцати пяти ещё нет, а отросшая за время отпуска короткая бородёнка никого не введёт в заблуждение. Мы копались в машине причаленного к берегу колёсного буксира – шатуны, трубопроводы, сальники, золотники. Собственно, разобраться в этом хозяйстве больших проблем не было, но об этом меня никто и не спрашивал – я тянул или толкал то, что указывали – мужики не хуже меня понимали, что тут да как. Где рычагом, где талью, а то и кувалдой. Не заметил, как и рабочий день закончился.

Вечером зашёл в магазины, что возле пристани – купить зубную щётку. А они тут деревянные из настоящей свиной щетины. И зубной пасты нет – только порошок. Мыла два сорта – хозяйственное и банное. И совсем не продают мочалок. Бритвы исключительно опасные, те самые, вроде складного ножика. Поглядел я на них и решил, что борода мне к лицу. Буду дальше отпускать. Чайник купил, заварки, пару кружек, а потом притормозил – не такие уж большие деньги мне выдали в качестве подъёмных. В общем – двинулся домой, с хозяйством знакомиться и осваиваться, да и с соседями пообщаться нужно.

Тут ведь не город, где соседа по лестничной клетке можно не встречать годами – всё иначе. Заодно выяснить, когда копать картошку и как её хранить, потому что подвала у меня нет. Где брать дрова, как приобрести кровельный материал – а то крыша не внушает доверия. В общем – забот у меня теперь много. Пусть и без скотины, но целое хозяйство.

В мастерских я потихоньку освоился. Тут основных специальностей три. Плотники – это если деревянное судно в ремонт приходит – тут уж им куча работы. Клепальщики – по железным корпусам трудятся. Ну, а мы, механики, чиним всё остальное. Тут тебе и рулевое управление, и машинный телеграф, и переговорные трубы. Случается, придёт баркас с дизелем, а бывает и с паровиком – я тут, считай, в живом музее техники тружусь. Интересно на работе. Для меня это важно, чтобы не от звонка до звонка, а с желанием и удовольствием. Потихоньку обзавёлся своим инструментом – его неохотно дают в чужие руки. Так что: одно сделал, другое купил, что-то в кузнице по моей просьбе отковали. Зарплата оказалась не слишком маленькой, особенно с учётом огорода и по выходным я рыбку ловлю понемногу.

В обед тут в мастерских обычно или своё едят, из дома прихваченное, или жены приносят мужьям. Да несколько тёток пирожки притаскивают в корзинах на продажу – так я покупаю у одной тощенькой. Насколько эта краля пригожа – сказать не могу. Женщины так обматываются платками, что кроме глаз ничего не видать – солнышко-то тут палит немилосердно, а девки и бабы берегут лица от загара.

А лодку свою, снасти и туристическое снаряжение я домой приволок, как только всё устаканилось. Как раз сарай

с навесом подновил, комнату отремонтировал, ну и спрятал всё как следует – нечего мне тут людей смущать камуфляжной одеждой, мобильным телефоном или планшетником, не говоря о разборных вёслах из алюминиевого сплава, да ещё и с пластиковыми лопастями. Спокойно тут живётся, неторопливо. Пастилы засушил из яблок со своих деревьев, чернослива, кураги. Балычков навялил. Погреб вырыл да картошечки туда заложил килограммов полтора – я ведь один живу, мне хватит. Тем более что и муки и круп тоже сделал небольшой запасец. Я бы и макаронами не побрезговал, но на прилавках их не увидел, а спрашивать побоялся – вдруг их ещё не изобрели? А я тут вылезу с непонятными словами.

Могу и мяса себе позволить, хотя оно дороговато. Подумываю ружьишко купить, чтобы осенью настрелять уток. С соседями лажу – я в сарае своём мастерскую потихоньку оборудовал. А людям то поточить что-то нужно, то запаять, то ещё чего. Нет, денег не беру – зачем они мне, когда то одна соседка яичек подбросит, то другая творожка принесёт. Мужики, если с крупным чем работают, меня на подмогу зовут. А когда мне помощь требуется – так завсегда пожалуйста. Только про обходительность забывать не надо и разговор так строить, чтобы человека к себе расположить.

Это, конечно, и нашем веке не лишнее, но в том темпе, к которому я привык, здесь ничего не выходит. А ведь, если надо чего привезти, необходимо договориться с владельцем лошади и телеги, чтобы он выбрал удобное для себя время –

никто тут по первому зову зарабатывать малую денежку не бросается – всяк к себе уважения требует, а пока идет обмен реверансами, прощупывает – чего для себя полезного можно от тебя поиметь. В смысле услуги, конечно. Обстоятельная патриархальность не вполне ещё покинула эти захолустные места.

Вот я и налаживаю людям электропроводку – тут в этом мало кто понимает. А для меня всё привычное – розетку поставить, выключатель перенести или патрон с лампочкой пробросить в нужное место. Правда, провода приходится крепить иначе, да и сами они другие – с тканевой изоляцией.

Тихо тут в двадцать девятом году, спокойно и благостно.

* * *

– А что это ты, Иван, деревья не окопал? – молодуха, чей участок с задней стороны от моего, стоя по другую сторону плетня, оперлась руками на его верхнюю кромку и глядит тревожным взглядом, словно чем-то испугана.

Я отложил в сторону отвёртку из походного набора инструментов, что у меня ещё из той, прошлой жизни – со сменными битами, – и ненароком надвинул поверх неё лист фибры, с которым работал:

– Так не научил никто, – ответил. – Не знаю, как это полагается делать и когда.

– А чего тут знать? – соседка, а зовут её Анной, даже на-

зад подалась от удивления. – Упавшие плоды собрать, а потом взять лопату и вперёд, чтобы корням дышалось и сорная трава соки из земли не пила в приствольном круге. Чай, есть у тебя лопата? – И слышу, будто намёк какой-то в её голосе.

– Должна быть, – отвечаю. – А не взглянешь ли ты на неё опытным взглядом, не подскажешь ли, с какого конца брать-ся, да как обращаться с ней?

Теперь гляжу, призадумалась уже женщина. Зыркнула опасливо по сторонам и замерла в нерешительности. Дело в том, что все участки неплохо просматриваются через изгороди и, хотя других соседей в ближней округе не видать, но деревья и кусты могут скрыть обладателя пары любопытных глаз... а ей этого не надо.

– Ты, Ваня, ступай в свой сарай, а я, так и быть, взгляну на твою лопату, – а сама в дровяник свой подалась, что как раз задней стенкой к моему сараю примыкает. Не иначе есть тут проход, думаю. Ну и пошел, куда послали.

А там вижу, отодвинула Анна доски и неприметно для соседей уже ко мне перебралась:

– Так будем лопату смотреть? – и глядит встревоженно.

Сама она – совсем девчонка ещё. Лет девятнадцать или двадцать. Росту и сложения среднего – всё при ней. Какова с лица – не скажу. Платок накручен так, что только щель для глаз оставлена. Но мне это сейчас не так уж интересно – я руки ей положил пониже талии и к себе потянул – очень уж прозрачно она дала мне понять, чего хочет. Так я тоже не

против, а очень даже готов.

Огладил руками выпуклые места – чувствую, разгорается моя неожиданная благодетельница. Подсадил я её на верстак, подол приподнял, да и порадовал, чем мог.

– Быстрый ты, – только и сказала она мне. Соскользнула вниз, обняла благодарно и нырнула обратно к себе.

Почесал я в затылке – уж как-то очень непривычно, оказывается, делают это самое тут в двадцать девятом году. Но ничего говорить вслед не стал, кроме:

– Спасибо, милая! Заглядывай, если что.

Посмотрела она через лаз уже со своей стороны, молча кивнула и ушла. Наверное, показалось – ничего ведь не разглядишь из-за платка – но почудилось, будто на глазах у неё блеснули слёзы. Может, из-за того, что недолгой получилась эта мимолётная любовь?

* * *

Соседка эта, если муж ее был в рейсе, с того случая меня навещала. Рассказала, что лаз в стенке ещё предыдущий хозяин моего нынешнего дома оборудовал. Он вообще-то пьянчужкой жил, рыбку ловил, продавал да пропивал. Залезть к соседям и что-нибудь слямзить грехом не считал. Хотя дырку эту я не обнаружил, когда ремонтировал сарай – аккуратно сделана.

Участок я прибрал, огород обиходил, деревья окопал, бу-

рьяны извёл – помогал в своё время родителям на даче, так что в основах земледелия разбираюсь. Силёнок у меня достаточно, руки не обе левые – так что устроился не хуже других. Водопровод, канализация и центральное отопление постепенно забываются, как и телевизор, надоевший мне ещё в прошлой жизни.

А с Анной мы, время от времени, грешили по-быстрому. Она всегда приходила неожиданно буквально на несколько минут и торопилась обратно. Мужа её, Никодима, я видел издалека – он не в наших мастерских работал, а где-то на реке. Видный парень, заметно старше меня, но представительный. И чего бабе в нём недостаёт? Ну да мы об этом не разговаривали с ней – всегда торопились и редко когда каким словечком перекидывались. У меня даже сложилось впечатление, будто мы делаем какое-то важное общее дело, словно товарищи по работе.

С другой стороны, эти тайные от всех и ни к чему не обязывающие отношения устраивали меня наилучшим образом – заводить семью я не намеревался.

* * *

В мастерские пришел новый заказ. Не на ремонт судна, а на изготовление лоханей для... то ли бетона, то ли раствора цементного. Где-то в Сталинграде нынче идёт большое строительство – туда и потребовалось этакое оборудование. По

существо – просто большое корыто с ушами по углам, чтобы можно было зацепить краном и подать куда следует. Начальник наш собрал работников и пламенной речью воодушевил на помощь строителям тракторного завода. Потом ещё секретарь партийный его поддержал, воззвал к нашим энтузиазму и пролетарской сознательности, ну, а мы, как положено, похлопали. Хотя работа тут была только клепальщикам – остальные-то ни при чём. Ну, а чуть погода – скандал – в том месте, куда сходятся сразу три плоскости – то есть в углах, получилась течь.

Не, ну и какая, спрашивается, проблема? Заткни дырку чем попало, замажь хоть соплями, и после начала применения цемент всё равно это место намертво запломбирует. Да только слышу, как дядька в кожанке, что приехал принимать работу от заказчика, директора нашего в конторе кроет за безответственность, вредительство и отсутствие партийного чутья. Мужики наши, ясное дело, сочувствуют своему начальству и кувалдами пытаются грозу от его головы отвести – щели заплющить, зачеканить. Да только лист наш – самый тонкий – шесть миллиметров толщиной. Слабым ударом его не проймёшь, а сильным недолго расшатать соседнюю заклёпку – в общем можно сдуру наделать большой беды.

Тут я возьми и ляпни:

– Здесь бы электросваркой...

– А где мы сварщика возьмём? – взбеленился наш бригадир дядя Вася Маркелов.

– А что, разве в мастерских есть аппарат? – вот как-то так меня стрельнуло в этот момент, потому что не об отсутствии трансформатора речь зашла, а о специалисте.

– Есть, – говорит, – техника. Да вот работать с ней никто не умеет. Послали мы человека на учёбу, а только не вернулся он – его на тамошний завод направили по комсомольской линии.

– Да чего тут уметь, – отвечаю. – Было бы чем, а сделать – не проблема.

Мигом притащили со склада здоровенный металлический ящик с торчащей через стенку эбонитовой рукоятью. Ну, с проводами уже мне самому пришлось возиться, электроды разыскивать, маску – всё имелось, но лежало под замком в добротном сарае. А через часок-другой я в лучшем виде обеспечил герметичность всех лоханок.

Нет, я не сварщик, если говорить всерьёз. Но умею маленько – каких только навыков ни нахвататься, когда занимаешься ремонтом автомобилей!

* * *

Вообще-то в моём положении сидеть нужно тихо и не привлекать к себе внимания. То есть – ходить на работу, копать на огороде да рыбку ловить. В крайнем случае можно запереть дверь, занавесить окна и поиграть в игры на планшете – есть у меня с собой несколько особенно любимых

ся не слишком сложных игр. Или почитать – книжек тоже накачено прилично. Вообще-то этот девайс я прикупил для работы – тут у меня каталоги запчастей, адреса поставщиков, записи, справочные материалы по некоторым хитрым приемчикам насчёт восстановления деталей после износа, рецепты нескольких мастик... да много чего накопилось за годы работы и так называемого технического творчества.

Я ведь из школы сразу пошел в ПТУ, а там и на работу устроился. В армии меня не шибко гоняли в поля да на стрельбища – держали при парке в ремонтном подразделении и грузили той самой работой, к которой душа лежит. Потом ещё предлагали заключить контракт, но мне поднадоели все эти монстры... я про танки, самоходки и тягачи вместе с бронетранспортёрами. В общем, вернулся к «Лексусам», «Фордам» и «Ниссанам». Заработка хватало, тем более что обзаводиться семьёй я не спешил. Как-то не нуждался в этом. А уж выбраться на рыбалку тогда, когда пожелаю, и в интересное мне место – никогда себе в этом не отказывал.

Всё-то было хорошо... ну да и здесь я также хотел жить мирно и праведно, никого не беспокоя и радуясь предсказуемости бытия. Но ситуация начала меняться. И всё из-за этих лоханок. Меня сразу назначили сварщиком, и сарай с причиндалами для этой работы тут же сделался «моим». Подчинялся я теперь прямо начальнику мастерских и в основном занимался теми самыми лоханями – сваривал их без всякой клёпки, потому что других работ нашим клепальщикам на

этот период выпало очень много. Так что пришлось мне закрывать брешь в производственных возможностях мастерских, потому что от заказа с важной стройки отказываться было политически близоруко. Это до моего сведения довели. И, да, лист привезли потоньше – тройку и четвёрку. И ещё – уголки. А то уж больно тяжелыми были наши первые изделия – почти на тонну вытягивали.

В одно из этих корыт размером два на четыре метра я и пристроил газосварочную аппаратуру, а таковая тоже тут оказалась припасена. Только ацетилен нынче не в баллонах – его нужно получать из карбида в специальной бочке. Ну и с кислородом постоянно случались перебои – его привозили издалека. Поэтому газом работали только в местах, куда не протянуто электричество – обычно на выезде. Вот для таких случаев я и использовал одну из лоханок в качестве понтона. Буксировали её куда нужно, ну, а остальное уже за счёт длины шлангов. Всё-таки размер два на четыре метра – это довольно-таки приличное судёнышко для размещения в нём оборудования массой в сотню-другую килограммов.

Следующим шагом оказалась высказанная начальником мастерских мысль, поставить эту передвижку на колёса, чтобы не на катках катать её по берегу и не волоком тягать... хе-хе. Он у себя дома делал водопровод, а я по-соседски помогал. И сварка для этого дела была ох как не лишней. А мысль подкатить сварочное оборудование прямо к крыльцу почему-то его очень увлекла.

Колёса же для подобной махины, а только корпус тянул больше чем на полтонны, были нужны немаленькие, уж никак не от телеги. От трактора «Фордзон-Путиловец» показались мне подходящими – я так начальнику и сказал.

Задние колёса, которые в диаметре около метра. Так снабженцы вскорости привезли откуда-то четыре штуки. Видно было, что не новые, может даже с окончательно сработавшихся машин, или где моторы угробили в хлам? Ну да в кузнице их чуток подправили, я подварил немного в сомнительных местах. А потом началось рождение ужасного угробища, в котором всё было не по уму, а по начальственному указанию. Спорить мне и в голову не пришло – до дома директора мастерских оно как-то доедет, а большего от этой колымаги и не требуется.

Первая же проблема возникла с осями. Обычная-то тележная, что делается, грубо говоря, из лома, коротка – тут нужно больше двух метров. А из арматурной стали, по общему приговору, делать негоже – мягкая она, эта сталь, и никакой закалкой этого не поправить. Никак не могли сыскать в имевшемся у нас сортаменте проката ничего подходящего. Вот тут-то и приволокли со станции Ахтуба, что от нашей Петропавловки сразу за железнодорожным мостом, какие-то огромные пружины. В кузнице их распрямили в прут, который потом снова закалили. Длина вышла подходящая, только на мой взгляд тонковато оказалось. Хотя да, хороший материал, прочный, упругий. А главное, точно вхо-

дящий в один из размеров имевшихся у нас стальных труб.

Их, трубы эти, я и вварил, но не под днище, а поверх, выпустив концы сквозь борта так, чтобы не потерять герметичность корыта. Почему не снизу? Так чтобы в случае чего можно было опять на катках это чудо передвигать, потому что на мой глаз, колёса должны были вскорости отвалиться. Токарный станок в мастерских имелся, так что переходные детали выточили и колёса на оси насадили. Практически с этого шага и началась эпопея сварочной передвижки, способной покорить сразу две стихии. Причём и то и другое делала она отвратительно.

На суше эту махину приходилось буксировать трактором, потому что для лошади подобный груз был великоват, особенно в горку, а собирать упряжку из четырёх или шести голов как-то нынче уже и не принято. Все уже потихоньку начинают уповать на моторы – кое-какая техника в Петропавловке есть – бегают грузовички и трактор в порту то и дело что-то тянет на салазках.

Так вот – на моей телеге колёса были закреплены на неподвижных осях, отчего поворачивать в узких местах приходилось, переставляя один из концов экипажа малой подачей при помощи здоровенных ваг. Хотя по голой степи по дуге большого радиуса заворачивали без особых проблем. Ну и когда пошли дожди и дороги развезло – колёса намертво уходили в вязкую местную глину – грунтозацепы очень этому способствовали.

На плаву понтон более-менее держался, если был к чему-то причален или приткнут к берегу, но буксировать его предпочитали тихонько-тихонько, чтобы не захлестнуло поднятой тупым носом волной. Тем не менее, получившееся чудовище со мной в придачу активно использовалось и во Владимировке, и в солепогрузочном порту Петропавловки и на станции Ахтуба и даже на Баскунчаке, на солепромыслах. Не моего ума дело, зачем наш директор частенько ссуживал нас с повозкой другим местным начальникам, но, похоже, корысть для него в этом была немалая аж до самого того момента, когда это порождение его мрачного гения не увязло во владимировской грязи так, что ничем его выволочь не удавалось. Зима в этом году выдалась гнилая – земля размокла, пропитавшись влагой, и не захотела выпускать свою добычу.

Не упущу случая помянуть здешнюю глину. По способности намертво вцепляться во всё она поистине уникальна. Вот вроде бы размокает в воде и разминается колёсами и ногами, а от сапог её приходится отрезать ножом – настолько крепко прилипает, образуя прочный неподатливый слой. Если отмывать квачиком – уходит прорва времени. Я ведь во многих местах побывал и немало разных грунтовых дорог перемесил в непогоду – так что за слова свои отвечаю. Наша, скажем, подмосковная грязь – так это же просто одно удовольствие её отмывать – размочил да оттёр. А тут – будто каучуковую мастику удаляешь, боясь повредить обувь.

Так что карбидный аппарат мы с безнадежно влипшей по-возки сняли, и велел мне начальник построить новую плавающую телегу.

– Только, – говорит, – не колёсную строй, а сразу гусеничную. И с мотором – добудут для такого дела всё, что нужно. Чтобы не изобретать велосипеда – съезди на солепромыслы на Баскунчак, глянь на трактор «Коммунар» – вот то, что нам нужно. Он, хоть и не быстро едет, зато через любые хляби пропирает.

А мне, сразу признаюсь, затея эта пришлась совсем не по нутру: хоть и приплачивают щедро за сверхурочные, и командировочными не обижают, да только всех денег не зарабатываешь. Я покой ценю, размеренность, налаженный быт. Энтузиазм – это, может, для кого другого хорошо, но мне удобней постоянный рабочий ритм. В общем, поговорили мы об этом с дядей Васей Маркеловым, бригадиром механиков, вечерком у меня под обильную закуску, ну и не всухую, конечно.

– Ты, Ваня, видать, от потери памяти мозгами совсем не шевелишь, – объяснил он мне. – И не соображаешь, что когда начальство между собой полезно дружит, от этого у нас с железной дорогой никогда проблем нет, если привезти чего нужно. И речники завсегда чего надо подбросят. Те же снабженцы тоже друг другу то займы чего дадут, то поменяют одно на другое – вот и есть у нас завсегда материалы, а с ними – заработок. Так что ты уж давай, собирай заново свой

экипаж, потому что сварщик, сам понимаешь – на вес золота. И от того, как ты соседним предприятиям понравишься, зависит, сколько пользы они нам принесут.

Выслушал я речи мудрые, вспомнил кота Матроскина из незабываемого мультика про дядю Фёдора, но поступить решил так, чтобы как можно дольше меня никуда не посылали. Во-первых, не стал говорить, что сварочный трансформатор можно и на телеге куда нужно увезти, если там есть электричество. Во-вторых, то же самое можно проделать и с ацетиленовой аппаратурой, хотя это и не столь удобно. А в-третьих, расписал, чего мне нужно для новой передвижки. Сразу сказал, что мотор требуется не иначе как от танка, трансмиссия, гусеницы, катки... я же разбираюсь в этом. Только ума не приложу, какие нынче в двадцать девятом году танки стоят на вооружении. Помню, что где-то в тридцатых были БТ и ещё Т какие-то, но у нас-то нынче пока двадцатые, хотя и конец.

Я ведь не историк, так что наверняка могу сказать только, что пулемёт Дегтярёва уже есть, и поликарповский У-2, который в войну будет ночным бомбардировщиком. А про остальное – знать не знаю, ведать не ведаю. Ну и высовываться с идеей перевозки сварочного трансформатора на простейшей двухколёсной тележке не собираюсь... хе-хе. А то опять начнут гонять на внешние работы.

И вообще, объяснил мне дядя Вася, что здешние начальники ради большой дружбы любят оказывать друг другу

большие услуги – то есть если подвезти аппаратуру на обычной телеге, то это будет выглядеть не особо-то убедительно. А вот когда трактором приволакивают железную дуру на огромных колёсах – тогда да, сразу видно, что начальник судоремонтных мастерских не скупердяй какой, а дельный человек с масштабным мышлением.

Почему я не потребовал частей от трактора «Коммунар»? А вы его видели? В нём одного железа восемь тонн – не поплывёт он без парома да буксира. А если на эти гусеницы поставить понтон нужного объёма – целый дом получится. Делать подобное уродство – слуга покорный. Этакую пакость сотворять не хочу и не буду – она же на улице не развернётся, чтобы чего не сшибить.

Уже после Нового года подморозило. Тогда бригада с ломами выковыряла залипшие в грязь колёса моей передвижки и приволокла её опять в мастерские. Тут уж деваться было некуда – опять стали меня сдавать в аренду то туда, то сюда. Так и не дождался я ни гусениц, ни двигателя, ни трансмиссии от танка – говорят, аж на Украину за ними послали человека. Он, вроде как нашёл все нужные вещи и теперь договаривается, на что сменять и как привезти. А у меня – сплошные работы на выезде с нашей самодельной передвижкой. Мало времени остаётся на всё остальное – то в один конец приходится катить, то в другой.

Даже про то, как стану прилаживать к корыту гусеницы и мотор – думать некогда. Да и нечего тут особо сообщать,

пока не привезли всего, что просил. Только в отношении подвески кое-какие мысли шевелятся в голове. Дело в том, что у меня имеется всё для устройства торсионов – оси из распрямлённых пружин отлично работают на скручивание. Остаётся прикинуть усилия и соотнести их с массой повозки. Ну и длину рычага выбрать. У меня ведь на планшетнике имеется калькулятор и электронные таблицы. Не самое лучшее программное обеспечение для инженерных расчётов, но хоть что-то. Тем более – в электронных таблицах уже забита куча страшнючих формул. Таких, какие мне ни в жизнь не написать. Ну и главное удобство – можно и свою формулу загнать, а потом, меняя исходные значения, добиться нужного результата. То есть найти решение методом подбора – я ведь не гений математики, матанализов не изучал.

Ещё у меня тут рисовательная программа имеется. То есть – создашь изображение одной из проекций детали и крутишь её, по-всякому прилаживая и рассматривая, как она будет себя вести при рабочих движениях или при сборке. В объёме, конечно, было бы интересней, но с такими программами я не работал, да и нет их у меня на планшетнике.

Потом была весна, работы на огороде, половодье, перед которым свайный мост через Мурню разобрали, и связь с большим миром теперь проходила только через железнодорожный мост, по которому к реке привозят соль. Вообще-то концы тут небольшие, километров пять-семь между посёлками.

Мы с Петрухой – шофёром Дмитрия Ивановича – довели его «Руссо-Балт» до приличного состояния. Тут такое дело... я ведь пацаном был в лихие девяностые, как раз родители мои на своих заводах перестали зарабатывать, и пенсия деда в те поры оказалась самым существенным доходом. Мама с папой попытались торговать, в чём быстренько потерпели фиаско с приличными потерями, как я понял. Ну, а я при деде крутился в гараже, где тот занимался ремонтом легковушек. Сначала – подай-принеси. Потом стал мотаться в магазин запчастей: летом на велике, зимой на лыжах, а в распутицу на автобусе. Ну и много разных хитрых способов вернуть к жизни старые детали мы тогда тоже пробовали. Поломанное, конечно, приходилось заменять – тут куда не денешься. А вот сносившееся – частенько возвращали в пригодное состояние. Основная-то задача – восстановить истёршиеся поверхности. То есть – нанести обратно сработавшийся слой.

Преимущественно – гальваническими методами, хотя где-то и напылением в вакууме удавалось воспользоваться. Но напыление мне здесь недоступно. А вот электролитически многие задачи удаётся более-менее успешно решать. Правда, выпрямитель у меня – чистое горе. Я его сделал из трёхлитровой бутылки – четверти, откачав оттуда воздух методом нагревания и затыкания. То есть внутри не вакуум, а разрежение. Ну и острый катод с тупым анодом – коронный разряд в потёмках вполне можно разглядеть – стало быть,

работает. Сдаётся мне, что выпрямляет эта приспособа не слишком хорошо, но прямой ток получается намного сильнее обратного – и этого достаточно.

Вот у этого-то пульсирующего тока я напряжение и снижаю самодельным трансформатором... сердечник греется, но в пределах. Не дымится. Вообще-то тут много разных хитростей и с составом электролита, и с тем, какое вещество используется на донорском электроде, и как расположены относительно друг друга сами поверхности этих электродов. Про плотности тока и напряжения тоже не надо забывать, потому что результат зависит от скорости процесса и... так про это у меня все записи с собой – я свои почеркушки давным-давно отсканировал и записал на планшетник. Ну и нужные листы справочников, и из интернета статейки. Говорил же, что по части ремонта с молодых ногтей учился, даже компьютерную диагностику освоил, хотя, это сейчас неактуально. А тут делов-то – переписал ручкой обратно в тетрадку, да и пользуйся.

Так вот – ремонт двигателя Руссо-Балта – это для меня дело приятное и очень интересное. Доставляет, так сказать, потому что есть над чем подумать. А гонять туда-сюда и варить трубы и профили – чистое наказание. И не надо про деньги – не так-то много они решают сейчас. Тут главное – как к тебе начальник относится, и ладишь ли с соседями. Поэтому – варю и не стоню. То есть, варю и не стону. Мне конфликты душу не греют. Кстати – сварщик из меня очень

даже посредственный. Не портачу – но не более того.

* * *

Привезли детали от танка. Ясное дело – новья я не ждал, так что и не огорчился при виде этого почти металлолома. Траки для гусениц были двух типов. Клёпанные из гнutoго листа, изрядно изношенные, и литые – у этих износ невелик, зато – сплошные раковины и трещины. Но между собою в ленту сцепляются и на ведущие катки садятся хорошо. То есть брак, конечно, но ещё приемлемый, не полный хлам. Опорные же катки двух типов: большие и маленькие. Глядя на всё это, разложенное на земле, я невольно «дорисовал» образ самой боевой машины – уж не копии ли это «Борца за свободу товарища Ленина» – как-то припомнилась мне фотка из какого-то журнала. Правда, сбивали с панталыку алюминиевые диски катков – не в Первую же мировую до этого додумались! И уж никак не в Гражданскую! Семён Николаевич, что добывал это «богатство», сказал, что всё непосредственно с завода, где прямо сейчас делают танки Т-18 и МС-1... как раз похожие на тот рисунок, что я набросал по памяти и показал снабженцу. Вот уж никогда бы не подумал, что такие коробочки у нас в стране копировали в сколь-нибудь заметных количествах. Про эти типы танков я раньше ничего не слышал, а снабженец не может мне толком объяснить, в чём между ними разница – для него это просто кодо-

вые слова. Слова, обозначающие принадлежность того, что он просит, к чему-то определённомu, понятномu тем людям, у кого он просит.

Маленькие колёсики в мою концепцию не легли – для их крепления надо было городить целый огород. Зато большие подходили как нельзя лучше – я тут же снял все размеры и прикинул, что по четыре штуки на каждый борт придутся как раз. Николаевич же привез только пару. Придётся ему ещё расстараться.

Движок же откровенно порадовал – очень уж он удачно вставал в корпус. Поперечно – потому, что коробка передач и сцепление встроены прямо в этот же блок, а наружу «выставляются» две шестерни – по штуке на каждое ведущее колесо. И так ладно они расположены – одно удовольствие. Очень удобно монтировать и соединять. Ну и принялся я со-зидать помаленьку. Нужные элементы зарисовывал с про-становкой размеров и отдавал свои художества мастерам. В же-лезнодорожных мастерских в Ахтубе кое-что делали, и у нас тоже. Несколько поковок выполнили в кузнице, а иные де-тали вырубили из толстого двадцатимиллиметрового листа. Сварочную передвижку строили в складчину сразу все, счи-тай, предприятия ближних сёл – очень она тут пришлась ко двору.

Мне, конечно, досталась вся возня с мотором. Он оказал-ся изрядно походившим, отчего трудов требовал больших. Тем более что в системе зажигания я разобрался не сразу

– поди, пойми, зачем в каждый цилиндр вставлено по две свечи. Ну и количество деталей, потребовавших восстановления, было велико.

Пока то, да сё, привезли недостающие опорные катки, а там сборка. Понятно, что мотор и ведущий каток оказались перед водительским местом, поэтому и органы управления встали без проблем. Перегородку пришлось городить, поднимать сиденье, чтобы можно было видеть дорогу через далеко выставившийся нос моего корыта.

Борта у своей передвижки я сделал из листа потолще – шестёрки, – они как бы несущая часть конструкции, зато сэкономил на днище. Ну и крышу не забыл положить деревянную, во избежание утопления, если захлестнёт волна. Скорее, это следует назвать палубой. Будочка для головы со стёклами – это уже для себя, чтобы не страдать от дождя, ветра и пыли при переездах с точки на точку.

Поехала эта конструкция сразу, хотя и не очень быстро. Нарочно не стал проверять максимальную скорость – меня вполне устраивает и пешеходный темп движения. Я ведь не танк создавал, а мастерскую, переезжающую с места на место через любую грязь. Вот она и переезжает потихоньку. И все довольны.

А ещё я приспособил к мотору довольно мощный генератор постоянного тока – купил на рынке во Владимировке. Думаю – цельнотянутый движок. То есть сворованный. И продавец быстро цену скинул, едва я начал вопросы зада-

вать, и на лапах у этого девайса, тех, что для крепления – явные следы вандализма – видно, что от опоры эту штуку отдирали ломиком. Но ток вырабатывает исправно. Так что я теперь могу на выезде не только ацетиленом варить, но и, если по мелочи, постоянным током. Мне такой вариант нравится больше, потому что перебои с поставками кислорода как были, так и остались, а от карбида очень много грязи. С ним работать просто эстетически неприятно.

Гусеничное шасси у меня получилось не очень большое. Длинной где-то в районе четырёх метров. Я ведь старое-то колёсное угробище трогать не стал, а сварил новую лохань – такую, чтобы точно подошла под мои задачи и размеры агрегатов без лишней тесноты и без избыточного простора. Получилось примерно с «Жигули»-классику, только почти вдвое шире, потому что гусеницы торчат в стороны на тридцать сантиметров, ну и в ширине меня никто не ограничивал, так я и не поскупился – метр семьдесят сделал только корпус. Потом начались неизбежные переделки-доделки.

Охлаждение у движка воздушное – извольте вентиляцию наладить. По воде без буксира неловко – начался поиск насоса, чтобы устроить хоть самый простецкий водомёт. Единственное, с чем сразу почти угадал – это с подвеской. Както удалась она мне, только пара усовершенствований потребовалось по мелочам. Ну да масса машины вышла немного больше двух тонн, то есть масштабы для автослесаря интуитивно понятные – многое ведь делал на глаз, прикиды-

вал размеры методом подобия. И нагрузить на неё удавалось чуть не тонну... поменьше чуток – с тонной она совсем проседала, гусеницы ослабевали и норовили свалиться на поворотах – это я сэкономил на натяжном катке и верхних, поддерживающих.

Хотя пару сотен килограммов я в корме возил балластом, особенно если собирался плыть – мотор-то в носу. Вот и «клевала» моя передвижка, если её не уравновесить.

Ездил я на ней всегда со скоростью пешехода – берёг движок и ходовую. А что? Хоть до Ахтубы, хоть до Владимировки за час с небольшим всегда добирался – расстояния-то тут невелики. Ну и потихоньку косяки исправлял – затраты почти незаметные – работа своя, а материалы подручные. Не препятствовали мне – сварщик ведь нужен всем. Так что события развивались нормально и даже в самое сырое время года до места, куда послали, я доезжал вовремя. Так и продолжалось, почитай, весь следующий после моего сюда попадания тридцатый год.

В мастерских тоже работал. Но обычно звали меня только если без сварки совсем никак, или уж очень многодельно. Ну и пару раз восстанавливал изношенные детали от паровых двигателей – это если на начальника сверху давят, а новую запчасть добыть к нужному сроку ни в какую не получается. У нас тут отношение к плановым срокам серьёзное, а контролируют и по партийной линии, а не только начальство и заказчики. Поэтому директор распорядился и гальваниче-

ский участок оборудовать – не один я здесь грамотный. Поэтому оставалось поделиться с народом секретами составов электролитов и посвятить в тонкости отдельных режимов – сам-то не очень люблю с ваннами возиться да жидкостями. Мне больше по сердцу машинное масло и солидол.

* * *

Всё было тихо и мирно, так, как мне нравится, до того момента, как осенью тридцатого года направили меня на передвижке ремонтировать железную баржу, в которой ни с того ни с сего посреди дороги открылась течь. Капитан буксира – опытный мужик – заметил, что садится она в воду, и быстренько пошёл к нашим мастерским. А только видит, что не поспевает, ну, и вывел её на песчаную косу, что в Чилимном проране. Наши клепальщики туда сходили на катере и приговорили: надо заплату приваривать, а уж потом тащить это корыто к мастерским. Вот и послали меня на передвижке и дали с собой одного из своих мастеров в провожатые и для помощи. Листов для заплат загрузили, вырезанных в размер – они там не впустую время потратили, а с толком всё осмотрели да прикинули как следует.

Груз с этой баржи уже перекинули на какой-то пароход – ценное что-то везли, в деревянных ящиках, – а саму пустую коробку так на месте и оставили с брезентовым пластырем, но полузатопленную, лежащую на мели. Ну да я не о ремон-

те толковать собираюсь, а о том, как мы ехали. Плыть водой моей передвижке шибко долго – насосы-то я добыл не слишком подходящие, рассчитанные на откачку воды, а не на выброс её под давлением, и не горевал по этому поводу, потому что рассчитывал на возможность подгрести потихоньку к ждущему ремонту судну, а не форсировать Ла-Манши. Может моё корыто под своими водомётами сделать чуть больше километра в час, а встречное течение намного быстрее – по стрежню вообще не вытянуть. Если же по тихой воде, что с краешку русла – то напетляешься втрое, и всё равно против течения, хотя и слабого. Так что пошёл берегом. А он тут топкий, заросший кустарником с кучей промоин и луж. Совершенно непроезжие условия. Но я через них очень даже неплохо проехал, потому что на гусеницах и без особой дурн, не напролом, а хорошенько выбирая дорогу. Дважды переплывал ерики и прибрежные заводи, а по песчаным косам вообще, как по шоссе катили.

Работу мы сделали, откачав воду из корпуса тем же насосом, что служит в водомёте, а уж потом и латки приладили – обычное дело. Баржу ту к нам отбуксировали, а сами мы вернулись старой дорогой – нечем было передвижку погрузить на судно. Но проблема в другом. Помощник мой, который и попутчик в оба конца, потом о чудо-машине, могущей всюду проехать, раззвонил на всю Петропавловку.

Чтобы стало понятно, уточню: если рассказывают о чём-то чудесном, которое далеко и невесть как сделано, то слу-

шататели могут усомниться или восхититься. Но если это чудо сделано прямо вот тут, у всех на глазах, то возникает желание и для себя такую штуку заиметь. А слушок-то уже пополз... с солепогрузочной пристани и пришел директор, да с нашим и потолковал.

Так и появилась у меня новая работа – строить вот этикие вездеходы. Из Астрахани попросили, из Саратова. Ну, а я руководил сборкой и налаживал двигатели. Если честно – не уверен, что использовали эти экипажи для производственных нужд. Скорее всего начальство на них разъезжало в распутицу. А, может, на охоту или рыбалку. Куда-то на Украину сделали несколько штук. Тут ведь ещё одна моя хитрость оказалась раскрыта – то, что я ездил со скоростью пешехода – так это оттого, что берёг движок и трансмиссию. А, если притопить, то можно и быстрее двигаться. Километров десять-двенадцать в час выходит. Поскольку в это время основной транспорт – гужевой, так обогнать гружёные телеги получается запросто. Да и груза можно как следует увезти – уж никак не меньше, чем на повозке.

Месяца за полтора мы собирали по одному вездеходу, и каждый следующий был лучше предыдущего. Это потому, что делали их для уважаемых, нужных людей – начальник мастерских особенно это подчёркивал. Он даже оборудование кое-какое приобрёл. Оно, конечно, и в основной процесс ремонта судов нормально встало, но, думаю, прицел на нашу затею был сделан не в последнюю очередь.

Потом-то я сообразил, что там, куда меня раньше направляли с передвижкой, появились свои сварщики, и «одолжение» меня на помощь соседям перестало быть ценной услугой. А вот за вездеходы снабженцы выменивали всё, что угодно. Двигатели стали привозить новёхонькие, траки, катки... а то б я убился всё чинить да восстанавливать. Ну и конструкцию корпуса мне удалось оптимизировать – толстый лист в бортах теперь только по самому низу, где проходят торсионы, а дальше – троечка или двоечка. Подкрепления-укосины нашли свои места, несколько деталей – гнутые. Поверх гусениц – полки стальные на манер крыльев, в грузовом отсеке четыре сиденья плюс рядом с водителем вторая лавка. Сверху деревянная палуба с люками – если их откинуть, то получается почти как кокпит у лодки.

Генератор постоянного тока теперь ставился на все машины – от него питались фары и подзаряжался аккумулятор для стартера, а также насосы водомётов и осушительный – наш начальник напрягал снабженцев на полном серьёзе, чтобы не ленились и привозили всё, что нужно. Вполне культурный вездеходик получился. Цвет вот только чёрный – такая краска у нас в ходу. Правда, есть ещё сурик для судовых днищ, но красные транспортные средства в эту эпоху не вошли в обиход ни у кого, кроме пожарных. Ну, а то, что гусеницы немного разной длины – так всего-то на пару траков. Так уж нам подвеска продиктовала. Это и не заметно, если специально не вымерять.

Чертёжник потихоньку вычертил детали, особенно те, что заказываются на стороне. Помощники, что из клепальщиков или механиков, быстро во всём разобрались и присматривать за ними особой надобности не было – мы же не завод, а ремонтная организация: то пригонят к нам судно, а то не пригонят – то много работы, то затишье, а тут неплохие премиальные.

В общем – жизнь опять наладилась, стала размеренной и вполне спокойной.

Глава 2

Куда меня занесло?

– Красноармеец Беспамятный! Назовите части затвора трёхлинейной винтовки. – Вот не было печали! Откуда же мне знать, как эти штучки называются? Как разобрать-собрать – это я посмотрел за действиями предыдущего бойца, но его ни о чём подобном не спрашивали.

– Не знаю, товарищ командир отделения, – признался я честно, изобразив на лице глубокую озабоченность.

– Это плохо. Как же можно не знать?! – укоризненно посмотрел на меня парень явно из сельских жителей. – Никак нельзя. Отправляйся к старшине Михалёву и доложи, что поступаешь в его распоряжение.

– Есть! – отвечаю. Поворачиваюсь через левое плечо и отправляюсь разыскивать старшину. Вообще-то такого звания сейчас в армии нет. Правильно – помкомроты. Но табель о рангах это одно, а жизнь – совсем другое. Поэтому словечко живёт в устах офи... тьфу, даже думать нельзя такими словами. Офицеры – это из царских времён и белогвардейских войск, а сейчас есть только красные командиры.

Пока иду, не перестаю удивляться «загибонам», коими радуется меня жизнь-жестянка. Тут нынче, оказывается, не в армию забирают, а призывают на краткосрочные сборы. То

есть регулярных частей как бы нет, а есть вооруженный народ, который иногда обучают стрельбе и другим навыкам, необходимым для защиты государства рабочих и крестьян. Командный же состав – вообще непонятно: одни постоянно служат, другие, те что по-нашему считаются сержантами – это у кого как.

Так что пришла мне повестка, куда явиться и что иметь с собой. Это, как я понял, потому, что если в нынешней системе отсчёта год моего рождения тысяча девятьсот пятый, то мне аккурат двадцать семь, то есть приближается предельный срок для призыва. Это, как я помню по своему времени, а как положено сейчас – не разбирался.

Нестройная колонна молодёжи, чуть не на десять лет младше меня, прошествовала на станцию, где погрузилась в теплушку – крытый товарный вагон с нарами. Стук колёс, жаркая астраханская степь и через несколько часов – прибытие в палаточный лагерь, где ночью много диких комаров. Шевелюру мою вместе с бородой снёс под корень деловитый парикмахер кусачей машинкой с ручным приводом, врач убедился, что руки и ноги у меня на месте, и послал в баню в продуваемой ветром палатке, вслед за чем состоялось получение обмундирования. Вот тут я и узнал, что гимнастёрка не застёгивается до самого низа, а имеет только прорезь для головы... ну про подшивание подворотничков – это и во время моей службы было.

К счастью, бритву я с собой взял, потому что она упоми-

налась в списке вещей, которые следовало иметь при себе на сборах. Но пользоваться этой опасной штукой я как раньше не умел, так до сих пор и не научился. Поэтому побрился неважнецки, за что получил от взводного выражение неудовольствия и был направлен на «доработку». Во второй раз щетину удалил удачней, если к разряду удачи можно отнести мою порезанную во многих местах харю. В общем, невзлюбил меня командир за неловкость и неопрятный внешний вид.

Старшина Михалёв, выслушав доклад о прибытии в его распоряжение, велел мне запрячь Каурку и ехать на станцию встречать ротного. Посмотрел он на мои старания – ну не знаком я с этой технологией, – а потом велел прекратить «озадачивать животную» и приступить к уборке навоза.

– Здравствуй, Кобланды, – приветствовал меня коренастый солдатик невысокого роста, что ковырялся в загородке. – Ты тоже будешь конюшня работать?

– Я Иван, – отвечаю. – Наверно, буду, если прикажут. А ты почему меня кобылой назвал?

– Моё имя Кобланды значит большой кот... я плохо говоришь по-русски. Меня имя командир слышал – посылал кобылам. Сказал, так написано на моём рту.

Поглядел я на парня – казах, наверное. Разрез глаз восточный, волосом чёрен, хотя при таком коротком ёршике с цветом шевелюры я могу и ошибаться. Не вредный оказался этот Кобланды – показал, где лопата, и куда нужно вы-

носить навоз и как складывать. Он меня потом научил и запрягать-распрягать, и седлать-рассёдлывать, чистить, поить – много тут моментов, до которых я раньше никакого касательства не имел, а этот юнец в подобных делах был настоящим экспертом.

Он и побрил меня разок, показав, как это делается – тут особое внимание нужно уделить подготовке собственно бритвы – направить её на ремне. Как-то помаленьку подружился я с этим парнем. Он оказался большим знатоком не только лошадей, но вообще всяких солдатских хитростей. С поваром дружил, со старшиной ладил. А за деньги вообще легко мог достать всё, что угодно. У меня бабло водилось – я ведь хороший заработок имел в мастерских, а тратить было особо некуда. Так что и сахарок у нас водился, и заварка добрая – любили мы чаёк погонять. И другие парни с конюшни нашим обществом не пренебрегали – Кобланды был превосходным слушателем: внимательным и ценящим любые повествования.

Сам редко говорил – русский его был по-прежнему не твёрд. Я ему сразу объяснил, что на его рту ничего не написано, а потом растолковал, что за штука такая род и почему... хм... сложная получилась беседа. Не последняя между нами о разных оборотах речи и словечках, что применяются в жизни.

В общем, состояли мы при лошадях – править телегой и ездить верхом я тоже выучился. Другие «водители кобыл»

на друга моего поглядывали беззлобно, а я его так и подтягивал по русскому, чтобы хоть чем-то отплатить за хорошее к себе отношение – много ли от горожанина из двадцать первого века проку в этих условиях? Лишний раз помянул добрым словом Дмитрия Ивановича, что сразу меня пристроил в мастерские к машинам и механизмам. А тут – всё на конной тяге. Впрочем, артиллерии я в нашем полку не видел. Может, где и есть, но не в этом месте, это точно.

Зато имеются пулемёты – вот они и есть самые сложные из машин. Ну да меня к ним не тянет – я и при лошадях неплохо устроился. Понадобится – разберусь. А как называются все части винтовочного затвора, мне Кобланды рассказал – он трёхлинейку знает назубок и даже слова не коверкает, когда называет. Это когда нас на стрельбище водили. Так-то в обычной жизни оружие где-то хранится отдельно от солдат – его выдают только часовым. То есть похоже на то, что в моё время.

Нормально мне живётся в армии: ходить строем с песней не надо, атаковать через голое поле опушку далёкого перелеска никто не заставляет. Привези, отвези, прибери – ничего сложного. Старшину мы не огорчаем, и он нас не гоняет лишнего – с понятием дядька. Скучно только здесь, можно сказать, тоскливо, потому что каждый день одно и то же и ничего интересного вокруг.

Вдруг ни с того ни с сего – барабан, труба – и весь народ куда-то побежал. Нам, ездовым, выдали карабины с боевыми патронами и велели запрягать и ставить телеги под погрузку: командирские чемоданы в основном да железные ящики со штабными бумагами. Потом мимо прошла полковая колонна – скатки шинельные у всех, раздутые подсумки, набитые вещмешки – то есть загрузили людей по-полной. Те же пулемёты системы «Максим» на себе волокут, отделив от станка. Коробки с лентами – всё на руках, плечах и поясах.

Колонна не так уж велика – похоже, полк у нас сильно некомплектный. Оно и понятно – это, скорее, учебная часть, чем боевая. Ну, думаю, не иначе большая учебная тревога под конец сборов, чтобы поглядеть, как подготовлен личный состав к тому, чтобы переносить тяготы и лишения. Тем более – палатки так и оставлены, где стояли. Ну да по всем прикидкам, некуда их грузить – телеги и без того полнёхоньки. Лошадей и повозок на весь полк десятка два, не больше. В общем, побродим походом, да и вернёмся обратно – тут и к гадалке не ходи. Я ведь припоминаю, что в эти годы наши где-то в Средней Азии гоняли басмачей, а больше ничего тревожного, связанного с вооружённым противостоянием, в Стране Советов в это время не было. Ну, может, с японцами какие проблемы случались, так в те края и побли-

же нашлись бы войска, если что. Поэтому – никакого беспокойства в душе. Явно у нас сейчас проводится чисто учебное мероприятие.

Недолго мы двигались своим ходом – до станции дошли, а это недалеко. Погрузка, теплушки, стук колёс, а уже вечером на знакомой мне почти родной пристани пересели на паром, который довёз нас до самого Сталинграда. Там снова короткий переход колонной и опять сели на поезд... и пошли гулять слухи, будто в окрестностях Тихорецкой что-то произошло, и заварились там дела нехорошие против советской власти. Стало быть, пришла пора с оружием в руках выступить на защиту завоеваний Революции.

Так куда я, скажите, попал? В смысле – в когда? Вернее, в какую страну? Год у нас нынче тридцать второй, осень на дворе. Если верить тому, что помню из истории – тишь была... или что-то с раскулачиванием? Или с коллективизацией? Плохо у меня в памяти такая информация держится – это не номенклатура резёб, где всё наглядно и естественно.

В Кремле нынче сидит грузин Сталин, и ещё где-то есть как минимум ещё и второй решительный и энергичный грузин – Берия. Хотя второе имя как-то тут пока ни разу не поминалось, но он точно где-то был. Не могла эта парочка допустить безобразий – они же многих знают и оба люди башковитые. А ещё на слуху фамилии Орджоникидзе и Микояна – они ведь тоже с Кавказа. В общем – непонятная ситуация, потому что эта самая Тихорецкая располагается как раз по

дороге к всесоюзной житнице, кузнице и здравнице.

Тревожно мне сделалось – похоже, что попал я не в свою реальность. То есть в прошлое не моего настоящего, которое сейчас будущее. Потому что глупо это – сделать свою маленькую область гордой и независимой – не припомню я в этих местах гигантов индустрии – так что, на мой неискушённый взгляд, пока из этой затеи ничего, кроме банановой республики, получиться не должно. Ну там, хлеб, сало, самогон – этого тут достаточно, но, на мой вкус, маловато для процветания и полной от всех независимости.

Однако, судя по масштабу происходящего, имеет место не вспышка недовольства группы людей, обиженных советской властью, а назревает настоящая война непонятного пока размера.

* * *

Ехали долго не потому, что далеко, а из-за длинных непонятных остановок. Начались проблемы с водой – стояли мы, как правило, не на станциях, а посреди ровных мест – ручьёв поблизости не журчало и колодцы не торчали вверх своими «журавлями». А у нас же лошадки. Им много питья нужно, как минимум ведро на один раз. В общем – беспокойно стало, да и тревожно. Новостей никаких – только комиссары ходили, разговоры разговаривали про международное положение, да про то, что все буржуи бяки, а коммунисты горой сто-

ят за интересы трудового народа. Я, понятное дело, кивал да поддакивал, но душу мою эти слова не задевали – невосприимчивость к рекламе у меня с детства: нафиг мне «Сникерс» или другой «Хрюкерс», если есть отлично знакомый «бабавский» батончик или шоколадные конфеты «Ассорти»?!

И вообще, хорошо живёт тот, кто делает что-то полезное, и с политическими убеждениями это никак не связано. Так меня дед научил, и не заметил я ни разу, чтобы он заблуждался. Вот и сейчас мы с Кобланды мчимся как ошпаренные с вёдрами под откос – тут, судя по фырканию лошадей, есть вода. Точно – сочится по поверхности земли по кювету насыпи железнодорожного полотна, но так, что не зачерпнуть – только прильнуть губами да втянуть в себя. Но этим способом нам лошадок не напоить. И врубаемся мы в глинистый грунт малыми лопатками, делая углубление, куда можно будет погрузить хотя бы кружку.

Ничего так – зачавкало, выгребли размокшую глину, подождали, пока ямка наполнится да хоть немного отстоится вода, и давай черпать, поглядывая на замерший неподалеку состав. Успели взять по паре вёдер и допереть до вагона. И новый забег. А тут, внизу, другие ездовые уже начерпывают вёдра – народ-то у нас из крестьян – они не могут спокойно смотреть на мучения животного. А сверху повар с помощником – и тоже к нашей ямке.

Хорошо, что стояли долго – все успели набрать и не отстал никто... хе-хе. Тут я полешко из-под колеса и вытащил... и

перепало мне от кондуктора, что на задней площадке ездит и при остановках подкладывает под колёса специальные башмаки – он мне, хоть не все слова были русскими, объяснил, что за нами присматривал и позвал бы, если бы поезду пришел сигнал трогаться. И придержал бы состав, пока бы мы не добежали. Он ведь тоже с понятием... следующий перегон мы с ним так и ехали на задней площадке – я извинялся, а он обижался, что я его считаю плохим человеком – ну прямо тот самый настоящий грузин из старого кино... не помню, как называется. Хотя его ещё не сняли, наверно. Ну и акцент у этого мужика был не грузинский, а для юга России характерный. Звук «Г» особенно чётко это выдавал.

* * *

Разгружались мы в пологой ложбине – вокруг станции было много довольно ровного пространства, хотя и овраги сюда выходили. Оплывшие, заросшие колючим кустарником и высокой пожухлой травой. Кашевары вместо привычной пшёнки сварили что-то незнакомое – все поглядывали недовольно, но трескали, бурча себе под нос. Расположились мы на пологом склоне среди плодовых деревьев, и несколько сердитых местных дедков в национальной здешней одежде с лампасами ходили между бойцов и ругались не всегда понятными словами – как я понял, просили ничего не ломать. Старшина наш Михалёв с ними потолковал, а потом мы при-

несли с ближних подворий по охапке какой-то зелени – не сено, конечно, но для лошадей съедобно.

Комполка куда-то уехал верхом – точно знаю, потому что сам ему мерина седлал. Потом все снялись с места, и начался долгий многодневный переход. Пыльные ухабистые дороги очень тяжкие. Вверх-вниз. Хоть и полого, но толкать-придерживать приходится. Жара, а на голове – суконный шлем-будённовка с суконной же малиновой звездой и мокрая от пота гимнастёрка с длинными рукавами липнет к телу. И это, несмотря на то, что иду налегке, ведя в поводу лошадь, впряженную в телегу, и груза на мне – только карабин да пара подсумков с запасными обоймами. Ну я в таких вопросах стесняться не привык – нательную рубаху – долой, рукава засучил, воротник расстегнул, шаровары тоже засучил на манер длинных шорт, а башмаки надел не на обМОТку, а на носок.

Ох, и вломил мне старшина за ненадлежащий вид! Особенно – за носки. Однако, чуть погодя, гляжу – обозники наши принялись перенимать мои приёмы – реально жарко. Привал устроили уже через час. Я достал из сидора запасную гимнастёрку – она второго срока, застиранная до почти полной потери цвета – и аккуратненько выпорол рукава. Потом ворот развернул, сколь можно, чтобы проклятый воротничок-стоечка отвернулся на спину, и в таком виде прихватил несколькими стежками. Ну и подворотничок пришил по-новому... уродски, конечно. Штанины снова подвернул, и тоже

прихватил нитками, чтобы не сползали вниз.

А вот как культурно сдыхаться от ремня – не придумал. Повесил его через плечо. Только с буденовкой ничего не сделал. В общем, весь наш обоз дружно переобмундировался, – а что вы думали – нам ведь телеги по склонам балок приходится частично на руках спускать-поднимать потому, что лошадки не сдюживают – перегружены телеги. Старшина смотрел на нас злобно, но потом и сам так же поступил – вроде как образовалась единая форма одежды.

Следующие три часа двигались без остановки, а после из основной колонны двоих с тепловым ударом положили к нам на повозки. На бойцах-то и противогаз навьючен, и скатка шинельная, и вещмешок – нет у них, куда это положить, как у нас, возниц.

Мы как раз пересекали открытое место. Солнце жарит, и ни ветриночки, ни тенёчка. А от кромки леса, что справа, по нам открыли стрельбу. Как только пули засвистели, я рубанул построжки, схватил Каурку под уздцы – и бежать. Это потому, что Кобланды так поступил – он хорошо соображает, быстро. А я торможу – вот и повторяю за ним почти любые действия. И еще два наших обозных последовали нашему примеру. Полк же, как шел колонной, так и развернулся и рванул в атаку, считай толпой прямо на огневую точку. Мы-то в хвосте двигались, а стрельба аккурат против нас и случилась, поэтому двум ротам пришлось прилично возвращаться – ну да совладали они как-то с супостатом, хотя он

издалече лупил – сперва заставил залечь фланговое охранение, а уж потом и на колонну перенёс огонь.

Мы сразу повернули обратно, а тут, как подошли, на нас бросился ротный:

– Труссы, предатели, дезертиры, – а сам размахивает наганом, и так мне от этого беспокойно сделалось...

– Лошадки зато целые, – отвечает Кобланды. А я вижу, что многие из телег нашего обоза перевернуты, а возле иных на земле бьются лошади.

Ротный оглянулся, засунул наган обратно в кобуру и сделал вид, что очень занят. Тут в спокойной обстановке, то есть когда без стрельбы, способность мыслить вернулась ко мне окончательно. Сам-то я срочную в мирное время отслужил и под огнём не бывал. Глядя, как относят куда-то наших убитых, как грузят на повозки раненых, сообразил наконец – это действительно война. Вот уж никак не ожидал оказаться в зоне боевых действий, да ещё в качестве военнослужащего – как-то до этого момента подобная возможность рассматривалась достаточно гипотетически.

Поначалу, так уж вышло, стал думать о себе. В смысле – как правильно отнестись к опасности, которой, оказывается, грозит мне происходящее. И ничего не пришло в голову, кроме как делать, что должен. И вообще, какая ни есть страна, от недоброжелателей всяких злобствующих защищать её нужно. Вот и буду служить дальше. Ну а опасность – так вокруг в точно таком же рискованном положении ещё мно-

го моих товарищей... и командиров. Как-то никогда раньше ничего подобного в голову мне не взбрело – не было случая задуматься. А вот, поди ж ты – и на мою долю выпала доля Родину защищать. Так и определялся я со своим внутренним миром, пока восстанавливал сбрую. Это сейчас моя боевая задача.

Наши прочёсывали окрестности, суетился полковой фельдшер, переходя между ранеными, ушла вперёд полная рота, причём не колонной, а рассыпным строем – место открытое, ровное, всё видно, как на ладони. А тут комполка появился пешком – убили под ним мерина – да и говорит:

– Будем делать тачанки, хоть они нам по штату и не положены.

Народ у нас, что важно отметить, толковый – паники или иного беспорядку не устроил, да и неразберихи не возникло – вот как-то так всё получилось, что бойцы и командиры в едином порыве бросились в сторону опасности, а не врассыпную. Ну а там и по подразделениям разобрались и командиров своих нашли. Так что разброда нам этот обстрел большого не наделал, даже как-то сплотил людей. Опять от меня не слышно было, кто кому, какие команды выкрикивал. Мыто, обозные, всяк сам по себе были и делали, как все. Опять же стрельнули по нам, почитай, сразу.

К Кобланды на повозку стали «Максимку» прилаживать, а ко мне – пулемёт, что с бою взяли. Тот самый, из которого с такой дали нам столько конского состава убавили. Гляжу я

на него и диву даюсь – очень он смахивает на ДШК, правда не на турели, как я видел, а на колёсном станке с лафетом и сиденьем, вроде велосипедного, поверх станины. Здоровенный щит, как у «максима», но на дульном срезе колечко на щелястой вороночке. Дульный тормоз, если кто не в курсе. И ещё отличка имеется – сверху плоским блином пришпандорен магазин, как у «дегтяря», только толще.

А надо сказать, ручники ДП в полку имеются, хотя и немного. Так что пулемётчики быстро во всём разобрались и стали на задок телеги прилаживать этот агрегат, а я им помогал.

Вот так и перешли мы с товарищем из обозников в пулемётную команду. И на следующем привале новый взводный принялся учить нас пулемёту. Ох и попотели мы, пока наш казах со всем освоился. Нет, он сообразительный, но принцип автоматики перезаряда от него ускользал. А, может, просто слов парень не находил, чтобы всё как полагается доложить? Мы ведь не так уж много с ним преуспели в русском языке. Он меня куда как большему успел научить, а я как путал в школе склонения со спряжениями, так до сих пор и путаю.

* * *

– Слушайте боевую задачу, – это комбат объясняет двум ротным, разложив карту на земле в тени моей боевой повоз-

ки. – Форсируем реку. Силами первого взвода разведываете наш берег и окапываетесь. Потом вы подтягиваете тачанки и берёте под контроль противоположный берег, а ещё два взвода переходят на ту сторону. Один продвигается вглубь берега и тоже окапывается, а другой промеряет глубины и обозначает брод вешками. Вопросы есть?

Оба ротных доложили, что вопросов нет, и тот, что командует пулемётной командой, «нарезал» участки ответственности нашему расчёту и экипажу второй тачанки.

Поначалу всё шло по плану – мы выехали на низменный пологий берег не слишком широкой, но быстрой реки, рассыпавшейся на несколько русел, струящихся в мелководных илистых протоках. Места для пулемётов выбрали толково, а сами их сняли с повозок и принялись готовить позиции. Мы же с Кобланды отвели лошадок прямо в телеги запряженных, за деревья – пусть травку пощиплют, хоть бы и оставаясь готовыми к немедленному началу движения. Ну, можно кое-что ослабить, удила изо рта вытащить, а сколько нам здесь торчать – кто же его знает!?

Я хотел прилечь в тенёчке да покомарить, но товарищ мой указал, где замаскироваться и куда наблюдать. Когда он начинает распоряжаться, я никогда не перечу – он ведь только с виду простак, а на самом деле много в чём понимает, особенно если ситуация обострется. Часа два всё было тихо, только перекликались бойцы со стороны будущего брода, костеря ледяную воду и напористое течение. А потом слы-

шалась стрельба, и мы срочно перешли в состояние готовности к движению. Что было потом – почти не помню. Лежал и стрелял по фигуркам, перебегающим между редкими деревьями. Был совершенно спокоен и, кажется, не промахивался – не то чтобы я какой-то особенно меткий стрелок, но карабин у меня пристрелян, и я умею концентрироваться.

Потом справа показалась цепь нашей второй роты, и все, кого я только что «убил», вскочили и пустились наутёк. Я ещё два раза успел пальнуть, а потом цели куда-то подевались. Через час с чем-то, стуча зубами от неожиданно холодной воды, мы были на другом берегу. Это, получается, у меня состоялось боевое крещение. Вроде я не особенно сплеховал, только трясло меня немного... от холодной ванны на нижнюю часть тела.

* * *

– Далеко бьёт и точно, – командир расчёта вечером довольно погладил пулемёт, тот самый, незнакомый, крупнокалиберный. – Судя по всему, вроде как нашенский – очень уж он своим устройством на «дегтяря» похож. И станок под ним знакомый. Только непонятно, как он не у нас оказался, а у них?

Я молчал потому, что неоткуда мне, беспамятному, знать про то, что это некий прототип ДШК, только пока секретный и не доведённый до ленточного питания. Дисковый же

магазин, на мой взгляд, однозначно выдавал авторство Дегтярёва.

Через сутки полк вышел на заданный рубеж и занял оборону. Наши тачанки отвели вглубь, – как объяснил взводный – чтобы можно было быстро подъехать в нужное место туда, где станет горячо. Мы оказались незанятыми и спустя сутки вернулись в обоз, потому что некомплект в лошадях, и без того бывший большим, после обстрела полка на марше сильно усугубился. И началась у нас жизнь в дороге: то туда, то сюда. Бойцы-то более-менее на месте сидят, а мы то патроны возим, то жратву, то палатки – много разного имущества нужно доставить нескольким сотням крепких молодых организмов.

Дороги здешние отличаются крайне ограниченной проходимостью. Берега для съезда в реку неудобны – болотисты, изобилуют ручейками и зарослями на любой вкус: от крупных деревьев, преграждающих путь торчащими во все стороны корневищами, до густых кустарников. Броды тоже являются серьёзным препятствием. Потом начинаются подъёмы-спуски, выматывающие лошадиные силы и наши солдатские души. К этому следует добавить обстрелы издалека – обычно один-два выстрела, но довольно опасных, прицельных. То над головой свистнет, то в телегу угодит – так и старшину нашего ранило. Двух лошадок мы тоже потеряли – они, как ни крути, крупная мишень.

Старшим назначили одного из командиров отделений –

это сейчас скорее воинское звание, чем должность. То есть в петлице два треугольника. У старшины же, который на самом деле помкомроты – два квадратика, а не пила из четырёх треугольничков, как я примечал в фильмах про войну. Но он пока хромает с палочкой по расположению, потому что в дальней тяжёлой дороге был бы обузой.

Так вот, как-то подходим мы порожняком к станции, где обычно получаем свой груз, и вижу я неподалеку от въезда в посёлок стоит, покосившись, до боли знакомый мне гусеничный экипаж. Один из тех, что собирают у нас в мастерских. Привязал я вожжи к задку телеги Кобланды и подошел поближе. Тут, как положено, часовой при оружии строгим голосом спрашивает:

– Стой! Кто идёт?

– Механик Беспамятный прибыл для осмотра техники, – отвечаю.

– Ах ты прибыл! – обрадовался солдат. – Так что у меня приказ, охранять эту бранзулетку, пока не прибудет техник. Принимай машину, а я возвращаюсь к своим.

– Стой, – говорю, – как же так сразу, не покурив, не поговорив, – и протягиваю кисет. Отделенный командир наш тоже подошёл, протянул бойцу фляжку с разбавленным водой... что-то местного производства, кажется. Терпкое такое вино, почти не кислое. Вечно я названия путаю... – Так откуда здесь эта страсть появилась? – спрашиваю.

– Эти... инсургенты хотели захватить станцию и погнали

на нас ось цю танкетку, а только не вышло у них никого злякаты. С одной гранаты вон из того окопчика, – махнул он рукой вправо, – её с дороги снесло. А уж пеших мы з кулэмёта прижали к земле и заставили отойти, – а сам подбоченился гордо и табачок щедрой рукой загрёб в свою «халявную» самокрутку чуть ли не из четверти газетного листа. А мне не жаль: сам-то я не балуюсь – для хороших людей держу или Кобланды отдаю для обмена на разные полезные вещи.

Я отделенному подмигнул и занырнул внутрь машины. Да ничего страшного ей не сделалось – так, несколько отверстий в корпусе. Есть сквозные, есть и пулями заткнутые. Что гусеницу сорвало – так всего-то один трак и нужно заменить, а где они в этой машине припасены, я знаю – сам формировал ЗИП. В аккурат под полом в кузове между труб с торсионами.

Обоз наш дальше проследовал, мне же отделенный оставил в подмогу Кобланды. Часовой тоже перестал торопиться, поглядывая на мой кисет – нынче это лучше денег валюта, да и угостить товарища часто полезно для взаимного понимания. Втроём мы по-быстрому и поправили поломку. Мотор тоже пришлось заводить вручную – не почуял вольтметр напряжения на аккумуляторе. Но это – штатная ситуация, а аккумуляторы нынче капризные, требуют ухода, так что, если водитель лопух – пушай крутит ручку. Обоз наш мы догнали как раз у самой станции и быстренько встали под погрузку – шибко торопились, как и всегда. Добавить в баки горючего

удалось без проблем – в соседних-то полках и автомобили имеются, и трактора, так что подвозят сюда бензин.

Обратный путь прошел легче – на «бранзулетку» положили столько груза, сколько обычно клали на две-три телеги. На неудобных из-за рельефности участках, как всегда, коняшкам досталось нешуточно, так что мы после последнего спуска остановились на ночёвку, как и каждый раз в удобном для лошадей месте. Взвод сопровождения ещё до наступления темноты прочесал окрестности и выставил секреты – мы ведь многое успели усвоить за последние дни и к мерам безопасности стали относиться вдумчиво. В общем, ночь прошла спокойно, а наутро мы с Кобланды за пару часов пробрались на вездеходе через топкие низины до расположения полка, разгрузились и вернулись обратно за новой порцией имущества – обоз не стал мучить лошадей на вязких дорогах, размокших из-за прошедших дождей – вернулись на станцию, чтобы принять следующую часть довольствия – машина-то наша через мокрые места хорошо идёт, не то что телеги с узкими колёсами. Пробираться с повозками по плотным дорогам все-таки чуток проще, чем через болотины. Вот и распределил командир участки таким образом, как показалось ему верным, после того, как я у вечернего костра распустил хвост павлиний, расхваливая особенности нашего приобретения.

Так и возили мы грузы ходка за ходкой, перекидывая имущество полка. Вскоре товарищ мой приволок выпрошен-

ный у пулемётчиков крупнокалиберный пулемёт – тот самый, трофейный. Патронов к нему оставалось всего полдиска, поэтому отказались от него... хе-хе. Мы его приспособили на турель, которую я с горем пополам сварил. Считай, без электродов, с самодельной маской, в которую вставил закопчённое стекло, питая дугу постоянным током от генератора. Слабенький вариант, но получилось акkuratно.

Боевая же деятельность полка оказалась скорее охранной или сторожевой. Ходили патрулями, сидели в секретах – будто сами себя охраняли. Нападали на нас редко, как правило, обстреливая из укрытий. Или подстерегали, или подбирались незаметно, а после открытия ответного огня враг быстро отходил, унося убитых и раненых. На обоз нападали чаще, чем на боевые подразделения. То есть вдоль маршрута нашего движения к станции и обратно и развивались основные события. Здесь и местность прочёсывали, и опорные пункты в самых опасных местах оборудовали, и разведка туда-сюда ходила постоянно. Но местность здешняя изобилует естественными укрытиями, а на нескольких десятках километров всегда получится подыскать место, с которого можно издали выстрелить по обозу.

Немного не такая складывалась война, не то, к чему готовились. И именно в этих условиях крупняк, установленный на «бранзулетке», – а именно так окрестили нашу лоханку – оказался очень сильным аргументом. Кобланды парой-тройкой очередей образумливал любителей сверхдальней стрель-

бы. Он давал мне команду остановиться, а потом спокойно делал своё дело. Почему спокойно? Во-первых, потому, что прятался за пулемётным щитком. Во-вторых, турель пулемёта сдвигалась по кольцу вокруг люка – мы его сделали из обода тележного колеса, уравновесив массу оружия деревянной стенкой за спиной стрелка. Заодно и боковые щиты приладили, тоже деревянные. Ну и вообще, дополнили «бронирование» кабины, обшив её изнутри досками.

Из каждой поездки привозили пробоины, которые я латал всё той же слабенькой сваркой – на заделку пулевого отверстия мощности моего самопального аппарата только-только хватало.

* * *

– Ай, Иван! Как я могу быть командир? Ты старше, машину знаешь, водишь лучше! – втолковывает мне товарищ в присутствии нашего старшины. Мы едем привычной дорогой к месту погрузки втроём – начальник полкового обоза уже достаточно оправился от раны, чтобы занять место в кабине вездехода и лично проконтролировать ход дел на маршруте. Я плавно наискосок въезжаю в реку и включаю водомёты, подруливая их тягой так, чтобы выбраться на пологое чуть топкое место, укрытое со стороны берега плотным кустарником, в котором нами уже промята дорога.

– Понимаешь, Кобланды, – отвечаю, – я хороший меха-

ник, но в бою мне нельзя без командира. Моё внимание сосредоточено на работе мотора и том, где пройдут гусеницы. Смотреть вокруг, высматривая опасность, некогда. А ты всё видишь и подсказываешь, как правильно повернуться, откуда подъехать и когда пора отступить. Я тебя слушаю – и у нас всё получается.

Почему возник этот разговор? Из-за старшины. Пока мы ездили вдвоём – никаких проблем не было. Я управлял машиной, мой товарищ вел наблюдение и подсказывал. Сыгранность возникла сама собой и не требовала отношений начальник-подчинённый. Но вот в кабине оказался командир и сразу «не понял», кто тут главный. Поэтому первым делом попытался возложить на меня и всю полноту ответственности и бремя ведения с ним дорожной беседы.

Ага-ага. Это притом, что обзор у меня мизерный, потому что прикипать глазами к оставленной в деревянной «бронне» щели и работать рычагами очень сложно. Зато смотреть по сторонам прекрасно получается у другого члена экипажа – он и руководит мною, вращая свою импровизированную пулемётную башню и разглядывая всё вокруг относительно беспрепятственно. Если думаете, что нам мешает шум в «салоне», так не очень. Мотор впереди за перегородкой, а гусеницы прикрыты щитками. Внутри кабина «отделана» деревом – так что переговариваться можно, хотя и далеко не шёпотом.

Старшина наш – дядька с понятием. Он уже всё сообра-

зил. Единственное, что его смущает – то, что товарищ мой не вполне крепок в русском. Вернее, всё понимает, но говорит с погрешностями.

Собственно, добрались мы без приключений, всего-то разок и клюнула пуля по металлу корпуса, но, думаю, не пробила. Научился уже определять такие вещи по звуку. Ну а потом на петлицах Кобланды появились треугольнички – знаки различия помощника командира отделения. Мне кажется – это правильно. Парень хоть и юнец совсем – с четырнадцатого года, – но башка у него варит. С машиной, кстати, отлично освоился. Она работает без склонений и спряжений, поэтому я ему всё очень толково объяснил и научил как следует. Иногда мы в дороге меняемся местами – он вполне прилично стал водить, а мне и передохнуть иной раз не вредно, любуясь окрестностями из-за пулемётного щитка.

* * *

– Красноармец Беспамятный, – комполка посмотрел на меня странным взглядом и протянул бумаги, – вот приказ о вашей демобилизации. А эти товарищи сопровождают вас, куда им предписано. Так что, собирайтесь, прощайтесь и – в добрый путь.

Сказать, что я удивлён, всё равно, что промолчать. Крепкие молодые парни в военной форме с малиновыми петлицами – по три треугольника на каждой – не выкручивают

мне руки и не отнимают висящий на боку маузер в деревянной кобуре. Вежливо кивнули и сказали, что станут меня повсюду сопровождать. Только добавили, что хотели бы поторопиться. Не, ну я-то знаю, что это серьёзные парни из плечистого ведомства, которое через пять лет покажет всем во круг, кто у нас в стране главнее, да только тут не грозность от них исходит, озабоченная тактичность. Как-то даже неудобно перед их руководителем, возглавляющим в это непросто время ОГПУ. Хотя, как этого человека зовут – ума не приложу. Ни по памяти из будущего, ни по разговорам этого времени.

Я-то ведь теперь знаю, что ГПУ – те самые очень серьёзные люди, встречаться с которыми в это время никто не стремится. Так что, сколь ни любезными они кажутся, раздражать их и мне нисколько не охота. Доложился старшине, с мужиками нашими обозными поручкался, а с Кобланды мы даже парой слов перекинулись – так – ни о чем. Я его просил за вкладышами присмотреть, а он мне отдал оплетённый кувшинчик с залитой чем-то затычкой. У него всегда водилось что-нибудь этакое... например, я видел, как он доставал из карманов патроны для крупняка... пяток там, десяток. И добавлял в магазин. А откуда они у него – не ведаю. И спрашивать не хотелось.

Ещё поглядел на наш транспортёр. Поклёвок на нём больше, чем заплаток – редкая пуля, пущенная издали, прошибёт шесть миллиметров довольно вязкой судовой стали, но

внешний вид портят все. Закрашиваем мы их зелёной краской – другую в армии нынче достать мудрено. Поверх черной, которая теперь скромно проглядывает между клякс, нанесённых торопливо нашими с товарищем руками. Старшина спервоначалу рывкнул было, что, мол, за зёбра!?! Явно хотел заставить выкрасить всё разом для равномерности. А нам натурально лень – вот и двинул я тезис о камуфляжной раскраске, а потом развил его до понятия слияния с местностью. В этот момент надо было поспешать за грузом и препираться старшине оказалось некогда.

– Валяйте, – махнул он рукой, – сливайтесь.

* * *

На том и уехал я из полка. Одежду мою гражданскую мне никто не вернул – не до её сохранения было в условиях военного времени. Поэтому – красноармейцем следовал... не знаю куда. Тоже не спрашивал провожатых. Ехали мы всё железной дорогой в опустевшей теплушке, бегая на станциях за кипятком или дровишками для буржуйки – незаметно подкралась осень и по ночам становилось холодно.

В Сталинграде пересели на пассажирский поезд, с которого через несколько часов и сошли на станции Ахтуба, где встречал нас Дмитрий Иванович Агеев и его шофёр Пётр – оба в форме и с малиновыми петлицами. Обменялись с провожатыми какими-то бумагами, распрощались да и пошли к

машине.

– Изрядные дела начались тут без тебя, – рассказывал мне по дороге наш здешний ГПУшник. – Прислали мне ориентировку на поиск производителя некоторых, скажем, изделий. Гляжу – на одном изображении ты, собственной персоной, со своим вездеходом. Ну и доложил, как положено. Хотя удивился, почему машину эту называют бранзулеткой?

Комиссию от военных прислали и всё производство этих лоханок сосчитали, а потом устроили дознание: сколько сделали и куда отправили. Думаю, сейчас порождения твоего мрачного гения срочно мобилизуют и передают в войска. А заводу спустили план...

– Какой завод? – спрашиваю. – Мастерские у нас.

– А вот и завод. Помнишь же, что с весны начинали реконструкцию да новые корпуса строили? Так что переименовали мастерские в завод и даже бранзулеточный участок на нём организовали. Дядю Васю Маркелова поставили над ним начальником, а он сразу затребовал тебя срочно отыскать и к нему доставить. Вопрос сейчас стоит на контроле в ОГПУ – я курирую дело от местных органов, а от военных интендантская служба прислала представителя – завтра, как на работу выйдешь, познакомишься с начальником приёмки. Ещё инженера из Москвы вытребовали из НАТИ. Тоже где-то на этих днях должен подъехать. В общем, Иван Сергеевич, заварил ты кашу...

– Да я-то чего?! Делал, что велят. Хорошо, кстати, делал, –

сказал я с обидой в голосе и рукой махнул для достоверности образа.

Мне не в чем себя упрекнуть. Не стыдно за содеянное потому, что с душой подходил. А то, что получился не верх совершенства – так время такое нынче – ни материалов особо продвинутых, ни технологий двадцать первого века – ничего подобного пока нет. Армия, и та, почти вся на конной тяге, да и в мирной жизни лошадки не на последнем месте. Вон впереди пылит коляска – явно везёт кого-то от станции. Думаю – извозчик. Их не много в наших краях. И к поезду, а приходит он дважды в сутки – туда и обратно – съезжаются все. Пока мы с бумагами разбирались, народ и разъехался от станции.

Глава 3

Новые лоханки

Доставили меня прямым к дому. И это правильно. Поскольку от своих молчаливых попутчиков испытывал я всю дорогу самое тревожное состояние. Измотался, одним словом. Корректные, конечно, ребята, но глаз с меня не спускали ни на минуту – хоть один, но обязательно рядом и не спит. А Агеев с Петром, хоть и в той же форме, но люди, всё-таки свои, знакомые. И на маузер мой никакого внимания не обратили.

Почему маузер? Потому что с карабином в нашей коробочке не развернуться, а наган не так хорош при стрельбе по дальним целям. Из маузера же вполне неплохо получается и по ближним кустам шмальнуть, и по дальним. Да, баловали в полку нас с Кобланды, хотя откуда он принёс этот пистолет, я уверенно сказать не могу. Он вообще умудрялся добывать массу нужных вещей как будто из ниоткуда.

Так вот: захожу я к себе на подворье и здороваюсь с соседкой, что справа:

– Доброго здоровьичка, – говорю, – Павла Никитична!

– Ох! – отвечает она. – Иван Сергеевич! Хорошо хоть ты с войны возвратился. А у Анны-то мужа убили. Только она второго сына родила – тут и известие пришло из армии, что

Никодим её голову сложил где-то около Тихорецкой, – и плачет тихими слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.